

ТЕАТР — волнующий неповторимый мир.

Я говорю не о сценическом действии, холодно иллюстрирующем драматический сюжет, не о спокойной «сценической глади», по которой, как щепки в весенний разлив, плывут одноликие человеческие характеры, не о тех спектаклях, где герои не радуются, не страдают, не любят, а только говорят о любви, о страданиях.

Я говорю о театре — отбрасывающем из жизни главное и

ТЕАТР И ЖИЗНЬ

К РОМАНТИКЕ, героике на сцене!

ЗАМЕТКИ АКТЕРА

отражающем его с присущей ему, театру, яркостью, силой, неповторимостью. В этой вот неповторимости и есть романтическое и героическое на сцене. То удивительное, что зажигает аудиторию, заставляет биться в одном сплетении два пульса — сцены и зрительного зала!

Как бы мы не определяли романтику и героику, одно для меня несомненно: взрывчатый накал страстей, неподдельный темперамент борьбы за человека и его счастье должны пронизывать каждый настоящий спектакль, рожденный сегодняшним днем. Иначе падает градус актерской эмоциональности, а вслед за этим исчезает и интерес зрителя. И естественно, если на сцене никто не волнуется — разве станут волноваться в зале?

Более пятидесяти лет своей жизни я отдал театру. Мой дядько Онофрий — кондуктор киевского трамвая — привел

меня, 12-летнего пастуха, в театр «Під орудою» и при участии Николая Садовского. Театр этот помещался в Троицком Народном Доме. Первый украинский стационарный театр, о мастерах которого К. Станиславский сказал: «Такие артисты, как Садовский, Заньковецкая, Саксаганский, золотыми буквами будут вписаны в историю мирового искусства театра».

В этом театре я встретился с Курбасом, актером. Случилось это в пьесе Юлиуша Словацкого «Мазепа» (в репертуаре театра Садовского были тогда «Богдан Хмельницкий», «Савва Чалый», «Тарас Бульба»).

Я помню ту премьеру. Каким удивительным был Курбас в

го взлета достиг театр Вишневого, Погодина, Корнейчука, Довженко с их «Правдой», «Кремлевскими курантами», «Человеком с ружьем», «Ми-чуриним», «Третьей, патетической», «Моим другом».

Героика и романтика театра, на мой взгляд, при всем гармоническом сочетании синтетического труда творцов спектакля (актера, режиссера, художника) — наиболее ярко выявляется в искусстве актера.

Одним из таких открытий был для меня и актер Крушельницкий.

Пластичный, легкий и, главное, бесконечно органичный, как теперь говорят «достоверный». С хорошим голосом и с умением им владеть, с природной музыкальностью и умением ее использовать (я и се-

годня не могу забыть буйный танец и задумчивую песню его Ивана в «Дай сердцу волю — заведет в неволю»).

Театр принес ему заслуженную славу, славу актера и режиссера. Прежде всего героико-романтического плана.

Расцвет харьковского театра имени Т. Г. Шевченко в период руководства им Крушельницким, безусловно, самый яркий. И неповторимость почерка театра, романтическая приподнятость и устремленность лучших его спектаклей таких, как «Богдан Хмельницкий», «Ярослав Мудрый», «Правда», «Молодая гвардия», «Навеки вместе», «Фронт», «Генерал Ватутин», «Далеко от Сталинграда», «В степях Украины» и других, связана с именем Марьяна Михайловича.

Мне выпало огромное счастье быть участником этих забываемых сценических полотен. И все, что достигнуто мною, как исполнителем, я в первую очередь с благодарностью связываю с именем родного мне коллектива.

С первых дней своего рождения театр Шевченко стал театром больших тем и чувств. Его драматурги, режиссеры, его мастера сцены старались рассказать о жизни, о времени, о своих современниках укрупненно и вдохно-

венно. В таком романтическом спектакле играла каждая деталь, начиная от грима, костюма.

Помню, как в одной из своих любимых ролей, монаха-художника Никиты в спектакле «Ярослав Мудрый», который был отмечен Государственной премией, искали мы темные складки капюшона, пряди черных волос, подчеркивающие бледность лица, искрометность взора. Как хотелось в стихах Ивана Кочерги передать интонации живой человеческой речи, силу страсти и сложность психологических нюансов...

К сожалению, последние годы со сцены наших театров, в частности, шевченковского, уходит романтика. Какие-то мелкотемные пьески, бытовые драмы, несмешные комедии заменили ее. А почему?

Разве сегодня в наших, казалось бы, самых мирных буднях, меньше высокого, благородного романтизма? Нет, не меньше. Но мы чему-то разучились, что-то забыли, а может, отвергли? А может, просто не требовательны к подбору репертуара?

Подходя в новых работах к образам современников, образам, которым свойственны пламенность, оптимизм, боевой дух дерзания, я ищу наиболее яркие, выразительные средства. И рад, что моя новая работа — Байков в пьесе Валеева «Дарую тебе жизнь», и уже сыгранная роль Каравая в пьесе Макаенка «Таблетку под язык» созвучны авторской и режиссерской устремленности с моей внутренней актерской задачей.

И я считаю основной своей обязанностью сегодня воспитывать в моих учениках понимание тех главных, решающих качеств в искусстве актера, которые дают ему возможность передавать великое чудо театра из поколения в поколение и открывать в нем новые и новые грани.

Мое самое горячее желание, чтобы зритель, и прежде всего молодой человек, пришедший в театр, унес из его стен нечто новое для своего понимания жизни, чтобы труд наш назавтра незримо воскрес в его труде, в мире его чувств.

А. СЕРДЮК,
народный артист СССР,
лауреат Государственных
премий Союза ССР, проф-
фессор.